

ПРОВИДЕНЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ И ЕГО ТВОРЦЫ

Н.В. Новикова

Кафедра языкознания ТГУ им. Г.Р. Державина.

*Представлена профессором Е.И. Григорьевым и
членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: древнерусский язык, модели будущего, семантика времени, средневековая личность, прогностическое будущее.

Аннотация: Рассматриваются провиденческие образцы будущего времени древнерусских летописей как один из важнейших способов представления будущего в эпоху Средневековья.

Древнерусские летописи запечатлели разнообразие семантических вариантов будущего времени, отражающее сложный темпоральный макрокосм наших предков. Но среди этого многоцветья футуральных корреспонденций особое место принадлежит будущему прогностическому, так как именно оно непосредственно отражает **культурно-исторические предпосылки** процесса **объективации будущего** (моделирования будущего как объективной сущности) *на уровне обыденного сознания.*

Будущее прогностическое уходит своими корнями в глубь веков. «Наряду с многочисленными «официальными» вариантами будущего Средние века также не знали недостатка в «неофициальных» предсказаниях и пророчествах, а значит, и в прорицателях и пророках» [7, с. 310]. Роль языческих «вещунов» была особой: они были «не только жрецами языческого культа, но и учителями, врачами, хранителями исторической памяти. Ничего похожего не было у других индоевропейских народов...» [8, с. 32]. Очевидно, что их значение в постижении законов мироустройства в древности и средние века у славян было велико, проявляясь наиболее ярко в восприятии и осмыслении будущего времени: народные пророки (волхвы, кудесники, берендеи, юродивые) восполняли подспудную жажду древнего человека в стремлении познать будущее и овладеть им.

По справедливому замечанию Гуревича, «воздействие на время есть определенная форма отношения к будущему. Прошлое уже миновало, но при восприятии времени как циклического считалось, что когда-то оно возвратится вновь, будущего еще нет, но вместе с тем оно уже где-то таится, вследствие чего провидцы способны его с уверенностью предрекать [5, с. 82]. Таким образом, подобные образцы «предсказаний» являлись зачастую квинтэссенцией опытного знания:

и реша старци Козарьстии не добра дань княже ми ся доискахом¹ оружьем
одиною стороною [остромь] рекоша саблями. а сихъ оружье обоиду остро рекше

¹ Орфография памятников упрощена и приближена к современной. Условные обозначения следует читать так: *ЛЛ*, 69 об. – Лаврентьевская летопись 1377 года, лист 69 оборотный.

мечь. си имуть имати дань на насъ и на инехъ страна(х) [1 – ЛЛ, 6] (=мы добываем дань оружием, острым с одной стороны, называемым саблями, а у этих оружие обоюдоострое; *будут* они *брать* дань с нас и с других стран); и ту абе посла к Давыду и к Олгови. Стославичема глаголя поидета к Городцю. да поправи(м) сего зл(а). еже ся створи се в Русьскеи земли. и в насъ в братьи оже ввержень в ны ножь. да аще сего не правимъ то *большее зло встанеть на на(с).* и *начнетъ бра(т) брата закалати.* и *погыбнетъ земля Руская.* ЛЛ, 88 об. (= если не прекратим братоубийства – ... *погибнет* земля русская)

(Греки, убо явшись Ростислава, присылают к нему котопана <византийского военного начальника>): Единою же пиющу Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: «княже, хоццо на тя пити»... Он же (катопан) испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотъкнувсь палчемъ в чашю, бе бо имея под ногътемъ растворение смертное, и дасть князю, *урекъ смерть до дне осмаго.* Оному же испивъшу, котопанъ же пришед къ Корсуню, поведаше имъ, яко в сии день умрет Ростиславъ; *якоже и бысть* [2 – ЛН, 86-86 об.] (= когда однажды Ростислав гулял вместе со своей дружиной, сказал ему котопан : «Хочу пить вместе с тобой». Испив половину, дал князю выпить, прикоснувшись пальцем к чаше, имея под ногтем смертное зелье, и подал князю, предсказав ему смерть до восьмого дня. Когда князь выпил, котопан пришел в Корсунь и сообщил грекам, что Ростислав умрет в этот день, что и случилось).

Отметим, что котопан *знал* действие этого яда (!), а потому его пророчество являлось по сути отражением практического опыта.

(В сцене, когда греки испытывали Святослава дарами. Известно, что Святослав остался равнодушен к золоту и дорогим тканям, и тогда решено было послать ему в подарок меч и другое оружие): он же приимъ, нача любити и хвалити и целовати, < яко самого > цесаря. И приидоша опять къ цесарю, и поведаша вся бывшая. И реша бояре: «лють съи мужъ *хоцетъ быти,* яко имениа небрежетъ, а оружие емлет и любит, имесе по дань ЛН, 40 об. – 41 (=Святослав, приняв оружие, стал любоваться им, и хвалить его, и целовать, как самого царя. И вернулись < посланцы > опять к царю и рассказали обо всем случившемся. И сказали бояре: «Грозен будет этот муж, ибо имуществом не дорожит, а оружие берет и любит; плати < царь > ему дань»).

(Сцена о взятии новгородцами Югры и других городов): Потомъ рече Савка князю югорьскому: «аще, княже, не убиешъ еще Яковца Прокшинича, а живого пустиши в Новгород, то тому ти, княже, опять *привести* вои семо, и землю твою пусту *сътворитъ*» ЛН, 120 об. (= «Если, князь, не убьешь еще и Яковца Прокшинича, а живого отпустишь в Новгород, то тот < непременно > *приведет* снова войско сюда и *опустошит* землю твою»).

Все эти предсказания имеют прагматическую либо психологическую подоплеку, ибо основаны: а) на знании свойств предметов и явлений природного мира, а также человеческой психологии; б) на узуальном характере конкретной ситуации; в) на реалистической оценке объективно складывающихся условий; г) на вере в могущество сверхъестественных сил и приметы. Выражаются они в широком контексте, *содержащем* эксплицитную или имплицитную *мотивацию пророчества*, и предсказываются результативным презенсом, реже – инфинитивом или будущим инфинитивным, составным именным сказуемым.

Таким образом, ранний этап становления данной семантической оппозиции, предположительно, не выходит за пределы эмпирического (=гномического) времени. Но есть в летописях предсказания, которые «разрушают» привычные представления о закономерностях природного и социального мира, имея свойства «*чуда*»:

Видев Моисия фараонъ, нача любити Моисиа; Моисии, хапаяся за шию, и срони венець с главы цесареви, и попра и. Видевъ же вохвъ, рече цесареви: «о

цесарю, погуби отрочя се; аще ли не погубиши, *имать* бо онъ *погубити* всего Египта» *ЛН*, 53 (=волхв сказал царю: «Если не погубишь [этого младенца], то он погубит весь Египет); (*Волхв*) тако глаголаше, яко *преиду* по Волхову пред всеми людьми *ЛН*, 94 (= волхв говорил: «Перейду по Волхову перед всеми людьми»); отъ негоже (коня) бяху *рекъли* вольстви *оумрети* Ольгови. [3 – ЛИ, 15 об]. (=от коня предрекли волхвы *умереть* Олегу). – Этот эпизод описан Пушкиным в «Песне о вещем Олеге».

В сия же времена прииде волхвъ, прельщенъ бесомъ; пришед бо Киеву, глаголаше, яко явилося ми 5 богъ, глаголюще сице: поведаи людемъ, яко *на 5 лето потеци Днепру въспясть, а землямъ преступати на иная места, яко стати Гречьскои земли на Рускои земли, а рускои земљи на Гречьскои земле, и прочимъ землямъ изменятися* *ЛН*, 90 (= в эти времена появился волхв, *прельщенный бесом*; придя в Киев, говорил (он) людям о том, что явилось ему пять богов с такими словами: «Расскажи людям, что на пятой год (*суждено*) *потечь* Днепру вспясть, а землям *сдвинуться* на другие места, что греческой земле *стать* на месте русской земли, а русской земле – на месте греческой и прочим землям – *измениться*...»).

Характерной структурно-семантической особенностью подлинных пророчеств является *отсутствие в прамбуле мотивации* того события, которое предсказывает ясновидящий. Для передачи собственно момента предсказания летописец использует, как правило, прямую речь или имитацию прямой речи. Описательные же конструкции встречаются реже.

Столкновение двух мировоззрений – языческого и христианского, повлекшее за собой ослабление могущества и последующую дискредитацию языческих провидцев, запечатлено в замечательно описанных сценах летописей, в частности, Новгородской младшего извода. Эти сцены интересны для нас прежде всего тем, что они ярко характеризуют как особенности народного христианства начального периода, так и языческие представления оппонентов. При этом необходимо помнить, что вера язычников в чародейский дар волхвов, кудесников, судя по материалам летописей, была безгранична: к примеру, волхв Симон (*ЛН*, 94), как рассказывает нам летописец, мог творить великие чудеса: превращаться в собаку и говорить при этом человеческим голосом, становиться то молодым, то старым, и сила его воздействия на людей была настолько велика, что когда он стал внушать новгородцам, что он – бог, все поверили ему, и только князь Глеб с дружиной смог подавить мятеж новгородцев, ставших на сторону волхва (*ЛН*, 94 об., *события 1071 года*):

Глеб разрешил спор самым примитивным, но действенным способом: спрятав топор под плащ, вошел к волхву и сказал ему: «Знаешь ли, что будет утром и что вечером?» Тот же ответил: «Предвидел все». И (тогда) Глеб изрек: «А знаешь ли, что будет тебе будет сегодня?» (Волхв) ответил: «Чудеса великие творю». Глеб же, вынув топор, разрубил его (волхва), и тот упал мертвый – и люди разошлись.

Очевидно, что для язычников, стоящих на пороге христианства, главным аргументом в споре оставалась сила, а не идейные основы того или иного мировоззрения, и в жестокой конкурентной борьбе за право предсказывать, т.е. проникать в сокровенное, тайное, *будущее* – побеждал сильнейший. Это был по сути вопрос жизни или смерти любой религии: владеющий будущим повелевал народом, предсказывая и, таким образом, определяя во многом его судьбу.

Следующий интересный для нас сюжет – поединок воеводы Яня Вышатича с волхвами (*ЛН*, *события того же 1071 года*). Вначале летописец подробно рассказывает о тех чудесах, которые могли творить волхвы, и этот рассказ свидетельствует о вере самого летописца в подлинность событий: «Даже если в основе того или иного повествования не лежали действительные факты, автор... хрони-

ки, делового документа, как правило, верил в истинность» [9, с. 163], однако он отмечает при этом, что волхвы появлялись в смутные, тяжелые времена: когда Ростовская земля была истощена, пребывала в скудости > из-за набегов половцев, появились два волхва, говорящие так: «Мы знаем, кто укрывает урожай». И вскоре пошли они по Волге и пришли в сельскую общину, называя лучших женщин и указывая, что именно эта женщина укрывает зерно, эта – мед, та – рыбу, а эта – шкуры. И приводили (люди) к ним своих сестер, матерей и жен. Они же (волхвы) своими колдовскими ухищрениями, разрезав (одежду) за плечами, вынимали либо зерно, либо рыбу, либо белку; и убивали многих женщин, а *имущество их брали себе*).

Отметим, что мотивом деяний волхвов были причины вполне земные – корыстолюбие, считающееся у христиан одним из страшных смертных грехов. И вот на арене появляется воевода Янь, который пришел собирать дань и, услышав о том, что эти волхвы являются *смердами* Святослава (*то есть людьми низкого сословья* – очередная попытка дискредитации кудесников!), потребовал у жителей выдать волхвов. Начинается увлекательный идеологический поединок между волхвами, которые выступают как языческие прорицатели (=пророки веры антихристовой), и самим воеводой, который отстаивает позиции христианства. Процитируем этот отрывок полностью, так как *он отражает, на наш взгляд, перспективу дальнейшей объективации концепта «будущее»:*

(*Янь – волхв*): «... и сихъ бо аггелъ свержень бысть съ небесе, и есть въ бездне, якоже вы глаголетя, жьда, егда приидеть богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжеть узами и посадить во огне вечномъ съ слугами его, иже к нему веруютъ; вамъ же и зде муки *прिया*ти от мене, и по смерти тамо». ...Онема же рекшима: «нама бозе поведаяють: *не можеши* нама *створити* ничтоже». Он же рече имъ: «лжют вамъ бозе». Они же ркоста: «намъ пред Святославомъ *стати*, а ты намъ *не можеши створити* ничтоже». Янь же повеле бити ихъ и поторгате браде ею. Симвъ же паки биенымъ суще и браде поторгаемы проскипомъ, и рече има Янь: «что вамъ бозе молвятъ». Онемъ же тако рекшимъ: «*стати* намъ пред Святославомъ». И абие повеле Янь вложити рубля въ уста има и привязати ихъ къ упругомъ, и пусти пред собою в лоды, а самъ по них поиде; и ста на усть Шекъсны. И рче има Янь: «что вамъ бозе молвятъ». Она же поведаста: «сице намъ молвят: *не быти* намъ *живымъ* от тебе». И рече има Янь: «то ти право поведаяють». Она же рекоста: «аще наю пустиши, *много* ти *добра* *будеть*; аще ли нас *не пустиши*, многу печаль *приимеши* и зло». Он же рече: «аще вас *пуцу*, то *зло* ми *будет* от бога; аще ли вас *погублю*, то *мъзда* ми от бога *будет*». И рече Янь къ повозникомъ: «чи кому вас кто родинъ убиень от сею». Они же глаголаша: «мне мати, другому сестра». Он же рече: «мъстите своих». Они же поимше, убиша я и повесиша их на дубе, отместие приимше от бога по правде».

Показательно, с точки зрения композиции и языка, то, как летописец «организует» футуральную проекцию. В развитии сюжетной линии отмечается несколько этапов:

1. Начало спора: презентация оппонентами своих богов, абсолютизация их силы и могущества, последующая дискредитация богов соперничающей стороной с предсказанием возмездия за «неправую» веру. Как адепты и медиаторы высшей силы, обе стороны верифицируют пророчества в прямой речи формами со значением объективного будущего (презент, инфинитив), доказывая тем самым реальность своих предсказаний. Оппозиты БОГ-АНТИХРИСТ взаимно уравновешены.

2. Апелляция Яня ко второй по значимости оппозиции в социальной иерархии: ВЛАСТЬ – ЧЕЛОВЕК, и предсказание возмездия волхвам не только от христианского бога, но и от него, Яня, поскольку он стоит на более высокой ступени этой иерархии (вохвы – смерды, Янь – воевода). Вводится дебитивный инфинитив: «Вам и здесь муки *принять* от меня и после смерти – там <на Страшном Суде>».

3. Попытка волхвов доказать свой с Янем паритет по отношению к Свято-славу, а потому отсутствие у воеводы полномочий осуществлять карательные функции над «равными». Вводится форма инфинитивного будущего с модальным глаголом (НЕ) МОЧИ, выражающим значение объективной невозможности в настоящем осуществить действие в будущем: «Ты ничего *не можешь сделать* нам».

4. Могущественная сила волхвов поколеблена: они унижены Янем (избиты и лишились своих бород), но все еще продолжают предрекать, отстаивая свою зависимость только от Святослава, употребляя дебитивный инфинитив со значением неотвратимости действия в будущем: «*Стать нам перед Святославом*».

5. Вторичное унижение волхвов Янем, который заставляет их, держа в зубах по рублю, волоком тащить ладью. На последующий за этим вопрос воеводы, что же теперь говорят им их боги, волхвы отвечают уже иначе: «*Не быть нам живыми от тебя*», – используя составное именное сказуемое с инфинитивом, который несет значение *неизбежности* будущего. Их *предчувствие* основано на реальной оценке складывающихся условий.

6. Волхвы, сознавая неотвратимость наказания, начинают торг с Янем. При этом используется условно-следственная конструкция, где обещанное вознаграждение за помилование (либо кара) выступает как следствие выполнения (либо невыполнения) условия оппонентом: «*Если отпустишь нас – много добра тебе будет, если же нет – великую печаль примешь и зло*». Предикация следственной части снова подается как пророчество, однако наличие условной части нейтрализует объективность предсказания, делая его гипотетичным, как и само могущество волхвов. Воевода отвечает антитезой: «*Если вас отпущу – зло мне будет от бога, если же вас погублю – вознаграждение мне будет от бога*».

7. Развязка спора: Янь обращается к возницам, пострадавшим от волхвов с призывом отплатить за причиненное им зло, и те совершают правосудие над волхвами: «*Кто из ваших родных погиб от них?*» *Возницы ответили: «У меня – мать, у другого – сестра».* Он же (Янь) сказал: «*Отомстите за своих*». *Те же, схвативши волхвов, убили и повесили их на дубе, получив справедливое отмщение от бога*».

Представленный материал показывает, что пророчества, как сильнейшее психологическое средство воздействия на аудиторию, строились по законам своего жанра, обеспечивающим максимальную эффективность в достижении цели. Диалог представляет собой «замкнутую» речевую среду со стратегией превращения диалога в монолог. Отмечается «присвоение истины» в споре: «...речь делается демонстрацией обладания не только другим человеком, но и истиной» [6, с. 72]. Верификационная сила пророчества находит отражение: 1) в лаконичности изречений, содержащих минимальный набор лексем; 2) в типе высказывания: предложениях с прямой речью; 3) в структурных особенностях предложений, соответствующих схемам:

А. [S] ↔ V_{fin} (личные предложения с незаполненной позицией подлежащего);

Б. V_{inf} → Obj (безличные предложения с инфинитивом);

(Условные обозначения: S – субъект; V_{fin} – личный глагол; V_{inf} – глагол в форме инфинитива; Obj – объект);

4) в способе предикции, при котором будущее вербализуется как объективная категория.

Отступления от этих канонов связаны с трансформацией прямой речи в описательную конструкцию.

Следует добавить к этому, что Янь, по сценарию летописца, занимает в споре более выгодную позицию контраргументирующей стороны, оставляя всегда за собой право последнего слова – психологически детерминированный, с точки зрения слушателя (=читателя), показатель правоты. И если даже допустить возможность авторской интерпретации фактической стороны события, литературный вымысел, то целевая установка летописца – *разоблачение греховности сущности*

волхования – от этого нисколько не страдает, скорее, наоборот: именно цель и является концепцией данного текста, объединяющей идеей, подчиняющей себе весь композиционно-структурно-семантический комплекс. Летописец как проводник православной веры инициирует следующий логический ряд: волхв – не просто чудотворец, но злодей, так как поклоняется Антихристу и творит чудеса не во благо людям; христианин же, хотя и бывает жесток, но справедлив, ибо верит в истинного бога – Христа – и потому поступает только «по правде».

Преимущества веры доказываются в цитируемом фрагменте силой оружия. Провиденческие конструкции-клише, используемые Янем, оказываются по сути теми старыми мехами, в которые вливается молодое новое вино: настоящая земная жизнь. Мы отмечаем, что языческие представления о праве сильного причудливым образом смешиваются здесь с догматикой христианства: «На ранних этапах развития древнерусского общества чисто природное (языческо-мифологическое) понимание сущности человека освобождало нравственные оценки от чувства человеческой справедливости. Моральный закон эпического сознания охранял право индивидуального произвола «сильной личности» [4, с. 273]. И все же этическая позиция Яня выглядит более убедительной – ведь он наказал волхвов за их кровавые преступления, и летописец восклицает: «...и так погибли <волхвы> от бесовского наущения, другим предсказывая и гадая, а своей гибели не зная. Если бы знали <они об этом>, то не пришли бы на то место, где были схвачены, а уж коли схвачены были, зачем говорили: «Не умереть нам», – в то время как другой задумал убить их. Это и есть бесовское наущение: *бесы не знают мыслей человека, но внушают их ему, а сокровенного не ведают. Один лишь бог знает мысли человека, бесы же – нет, ибо слабы и немощны взором*).

Для нас знаменательным здесь является то, что ниша, которую занимали народные предсказатели, постепенно отвоевывается христианством: право предвидеть будущее не уничтожено, а лишь перешло в другие руки и подкреплено теперь всею могущественной силой христианской идеологии. Этот прецедент открывал перед носителями христианского мировоззрения уходящий в бесконечную даль горизонт будущего, «распрямяя» вектор времени и создавая объективные предпосылки оформления будущего в самостоятельную понятийную категорию с присущими ей в языке специфическими средствами выражения.

Список литературы

1. Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. – Л.: Изд-во ПСРЛ, 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1; Повесть временных лет. Изд. 2. Вып. 2. (ЛЛ).
2. Летопись Новгородская (первая) старшего и младшего изводов. (Полное собрание русских летописей. Т. III). (– М.: Языки русской культуры, 2000. – У-ХII. (ЛН).
3. Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г. – СПб.: Изд-во ПСРЛ. 1908. Изд. 2. Т. 2. Ст. 1-938. (ЛИ).
4. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.): Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 1998.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990.
6. Михальская А.К. Русский Сократ. М., 1996.
7. Савельева И.М. Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997.
8. Эрлихман В. Тропой вольков.// «Родина»: Славянский мир, 2001 (январь – февраль), с. 29-32.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: «Искусство», 1984.

Foreseeing Future of Ancient Russian Annalists and its Creators

N.V. Novikova

Department of Linguistics, TSU after G.R. Derzhavin

Key words and phrases: ancient Russian language; models of future; time semantics; middle ages person; forecasting future.

Abstract: Foreseeing images of the future of ancient annalists are studied. They are shown as one of the most important ways of representing the future in Middle Ages.

Voraussehende Zukunft der altrussischen Chroniken und ihre Schöpfer

Zusammenfassung: Es werden die voraussehende Muster des Futures der altrussischen Chroniken als eine der wichtigsten Weisen der Vorstellung der Zukunft in der Mittelalterepoche betrachtet.

Avenir providentiel des annales de l'ancienne Russie et ses créateurs

Résumé: Sont envisagées les images providentielles de l'avenir des annales de l'ancienne Russie comme un des moyens de la présentation de l'avenir de l'époque du Moyen Age.
